

УДК 94(470.53)''19''(045)

*А.Б. Суслов, Д.А. Казанцев***НОРМИРОВАНИЕ ИНТИМНОЙ ЖИЗНИ КОММУНИСТОВ И КОМСОМОЛЬЦЕВ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНТРОЛЬНЫХ КОМИССИЙ РКП(Б) В 1920-е ГОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО РЕГИОНА)**

В статье освещаются практики нормирования интимной жизни коммунистов и комсомольцев в деятельности контрольных комиссий РКП(б) Пермского региона в 1920-е гг. Анализируются и транслируемые большевистскими идеологами нормы и применение их таким значимым институтом, как контрольные комиссии. Используются методы микроисторического анализа, позволившие сделать значимые наблюдения, на основании сравнительно небольшого круга источников — сохранившихся в пермских архивах материалов контрольных комиссий и других органов РКП(б), а также судебных дел. Публикация позволяет углубить и конкретизировать представления об инструментах контроля частной жизни в Советской России в 1920-е гг. Авторы приходят к выводу, что поддерживаемые контрольными комиссиями нормы интимных взаимоотношений мужчины и женщины вполне укладывались в рамки «традиционной» морали, которые, в частности, проповедовались и православной церковью. При этом партийные идеологи и функционеры контрольных комиссий предпочитали выводить эти нормы из господствующих идеологием об «интересах пролетариата».

Ключевые слова: контрольные комиссии, РКП(б), интимная жизнь, частная жизнь, нормирование, 1920-е гг.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-777-783

Создаваемые большевиками институты включали в себя нормирование интимной жизни и всех граждан, и тех, кто был призван шествовать в передовых рядах строителей нового общества: коммунистов и комсомольцев. В современных трудах по истории 1920-х гг. эта проблема рассматривается преимущественно через призму истории повседневности [5; 7 и др.]. Хотя иногда затрагиваются иные аспекты. Так, А. Г. Вишневецкий, С. В. Захаров и В. И. Сакевич исследуют демографические аспекты проблемы [2]. О. С. Поршнева поднимает гендерные вопросы [10], О. М. Вербицкая — социокультурные [1]. Н. Л. Пушкарёва и А. Л. Пушкарёв представили развёрнутый анализ эволюции советской идеологии в области регулирования сексуальности [11].

Особого внимания заслуживает изучение механизмов принуждения к соблюдению заданных идеологами норм теми, кто был призван стать примером для обывателей — коммунистов и комсомольцев. Рассмотрение нормирующей деятельности одного из таких механизмов — партийных контрольных комиссий — на примере Пермского региона позволяет не только детализировать институционализацию норм, но и уточнить, что воспринималось в качестве нормы и «контролёрами» — функционерами контрольных комиссий (далее – КК), и рядовыми коммунистами и комсомольцами.

В качестве основного источника выступают материалы контрольных комиссий РКП(б) (резюми, доклады, протоколы заседаний бюро и президиума Пермской ОкрКК и др.). Эти материалы позволяют на конкретных примерах увидеть, как применялись заданные идеологами нормы поведения, какое поведение в сфере интимных отношений маркировалось как «некоммунистическое».

Следует отметить, что в нормировании интимной и семейной жизни большевики в 1920-е гг. действовали на «территории», где ранее роль «духовной скрепы» выполняла церковь, влияние которой они существенно ослабили. И действовать приходилось в условиях юридической простоты расторжения брака, тем более что брак теперь не создавал общности имущества супругов [2, с. 86–87]. Нравственные основания сохранения семьи, которые церковь охраняла столетиями, требовалось заменить новыми, базировавшимися на новой для общества идеологии. Что это за основания, неплохо представлено в упомянутой статье Н. Л. Пушкарёвой и А. Л. Пушкарёва. Они наглядно продемонстрировали, что при всех различиях во взглядах на проблему, большевистские идеологи были едины в стремлении подчинить индивидуализм в приватной сфере классовым интересам. Последнее особенно рельефно обозначил весьма влиятельный большевистский идеолог-психоаналитик А. Б. Залкинд в своем манифесте с характерным названием «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата»: «Класс в интересах революционной целесообразности имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов» [4].

В качестве примера генерации РКП(б) идеологических норм в области частной жизни для коммунистов можно привести принятые Пленумом ЦКК РКП(б) (октябрь 1924 г.) предложения Президиума ЦКК, которые предусматривали решительную борьбу «с коммунистами, допускающими дуэли в своей среде на почве отношений к женщинам», подчёркивали недопустимость эксплуататорского отношения к женщине, требование от коммунистов «самого строгого выполнения законов об обеспечении матери и ребёнка». «Коммунисты не могут, не смеют в этом вопросе (семейные отношения. — *Авт.*) плыть по течению, стихийно поддаваясь половому инстинкту; коммунисты обязаны внести и в эти отношения максимум сознательности, направленной к созданию здорового потомства, с одной стороны, а с другой — к тому, чтобы новые товарищеские семейные отношения, не освящённые религиозным браком, не превращались в мимолётную похоть, расплачиваться за которую социально приходится в первую очередь женщине и ребёнку, а затем — всему обществу», — подчёркивали члены Президиума ЦКК [8, с. 167–169].

От контрольных комиссий, по существу, требовалось преобразовать нормирующие суждения идеологов в персонализированные санкции, которым отчасти предстояло стать прецедентами, выполняющими функцию превенции.

Документы контрольных комиссий Пермского края в 1920-х гг. свидетельствуют, что их деятельность в этой сфере в основном сводилась к рассмотрению дел о «многожёнстве», отказов супругов обеспечивать покинутую семью, возникавших на почве ревности конфликтов. Всё это маркировалось как «некоммунистические поступки».

В целом можно утверждать, что поддерживаемые контрольными комиссиями нормы интимных взаимоотношений мужчины и женщины вполне укладывались в рамки «традиционной» морали, которые, в частности, проповедовались и православной церковью.

В числе важнейших норм, соблюдение которых контролировалось партийными органами, была моногамия. В материалах контрольных комиссий можно встретить достаточно много примеров наказаний за «многожёнство» в разных проявлениях. Так, Президиум Пермской ОкрКК 16 января 1925 г. вынес строгий выговор члену РКП(б) С. С. Перевозчикову за то, что он «позволил себе, не разведясь с одной женой, вторично зарегистрироваться с другой, тем самым ввёл в заблуждение ЗАГС» [9, д. 50, л. 6]. 9 марта 1925 г. контрольная комиссия исключила А. Н. Тарина из рядов РКП(б) «за многожёнство и заражение сифилисом». Судя по тому, как далее развивалось разбирательство, «многожёнство» как таковое не рассматривалось как проступок однозначно несовместимый с членством в партии, в отличие от заражения венерическими болезнями. Когда Тарин представил медицинскую справку, что не является опасным для других, Президиум Пермской ОкрКК постановил восстановить его в партии, сделав в партийном стаже перерыв [9, д. 50, л. 20].

Заметим, что рассматриваемая норма имела и правовые основания. Согласно советскому законодательству, «многожёнство» каралось принудительными работами на срок до одного года или штрафом до 1 тыс. руб. [13].

Партийные идеологи были вынуждены находить для обоснования «традиционных» моральных норм основания, базирующиеся на «пролетарской» морали. Например, в проекте предложений Президиума ЦКК Пленуму ЦКК РКП(б) заявлялось: «Коммунисты должны знать, что мы при этом исходим не из каких-либо отвлечённых принципов справедливости, морали, а из правильно понятых интересов пролетариата, что оставление матери и ребёнка на произвол судьбы при отсутствии достаточных средств для социального обеспечения усиливает кадры проституции и беспризорности, усиливает социальные бедствия пролетариата, роняет авторитет Коммунистической партии, члены которой допускают подобное отношение к матери и ребёнку» [8, с. 168].

В любом случае в глазах контрольных комиссий оставление детей без средств к существованию выглядело как некоммунистический поступок. Правда, некоторые коммунисты это, так же как и адюльтер, считали вполне нормальным. Так, тов. Минсаров в адресованной ОкрКК объяснительной по поводу развода и ссоры с женой указывал как на обыденное, что «половая жизнь поддерживалась временно с двумя женщинами». При этом он ультимативно заявлял, что «жена должна оставить ему квартиру иначе он скроется и оставит партбилет». В вынесенном по этому делу постановлении ОкрКК указывалось на нарушение разных норм партийной этики, в частности, «что не сумел жену подтянуть в культурном отношении до своего». Но отказ от обязанности материальной помощи бывшим членам семьи фигурирует как основное нарушение, некоммунистическим поступком называется «создание обстановки насильственного выселения из квартиры жены». Резолютивная часть предпи-

сывала: «Дать Минсарову строгий выговор с занесением в личное дело, предложить при разводе обеспечить квартирой и материально жену и детей» [9, д. 245, л. 78].

Партийная этика, помимо всего прочего, включала в себя соблюдение и устоявшихся в обществе моральных норм, и правовых норм. При этом всё расцветивалось коммунистической риторикой. Например, насилие в отношении членов семьи рассматривалось как некоммунистический поступок. Так, Пермская окружная контрольная комиссия, разбирая дело И. Г. Пименова, который обвинялся в «нанесении побоев своей жене в пьяном виде», постановила «сделать тов. Пименову за его некоммунистический поступок строгий выговор с занесением в личное дело» [9, д. 16, л. 52]. Примечательно, что в деле отмечалось, что «инцидент произошёл по поводу выступления матери жены (тёщи) на почве национальной вражды и социального неравенства (родители жены — еврей-торговцы) против зятя-коммуниста». Основанием применения весьма мягкой санкции стало то, что Пименов имеет революционные заслуги и обещает исправить линию поведения [9, д. 16, л. 52].

Для достижения пропагандистского эффекта в продвижении подобных норм партийной этики иногда устраивались открытые партийные суды. Так, на открытом партийном суде в мае 1924 г. слушалось дело члена РКП(б) А. А. Спиридонова. В материалах судебного процесса сообщалось, что «Спиридонов обвинялся в том, что он в течение 2-х с половиной лет подвергал побоям свою жену. Покушался, будучи в озлобленном состоянии, на жизнь своей жены с револьвером в руке. При переезде в Пермь продолжал угнетать её, доведя до полного истощения, побоями и голодом, проигрывая в карты и пропивая все средства, даже те, которые выдавались собезом её ребёнку. Спиридонов не ограничивался побоями и всяческими издевательствами над женой вынуждал её в период беременности производить непосильную работу с целью получения куска хлеба» [9, д. 13, л. 331].

По словам председателя Пермской Окружной контрольной комиссии А. А. Гребнева, общественность не могла остаться в стороне от такого факта преступления и поэтому суд сделали общественным, чтобы «показать те способы и меры, каковые применяются к членам партии, нарушающим партийную этику и дискредитирующим её» [9, д. 13, л. 331].

Риторика той эпохи была ярко представлена на этом судебном процессе. Так, государственный обвинитель Шпагин отмечал: «Подобные лица, находясь в рядах партии, вносят свою старую психологию в её ряды, что партия всегда боролась, и будет бороться беспощадно до полного искоренения варварских обычаев крепостного быта замеченных за её именами» [9, д. 13, л. 331]. Обвинитель предложил, чтобы к нарушителю «как человеку развитому была применена высшая мера наказания, т. е. исключения из рядов РКП(б) навсегда» [9, д. 13, л. 331].

Постановление суда имело ярко выраженный дифференцированный подход: «Признавая существование такого быта не совместимым с новым политическим строем, глубоко противоречившим коммунистической этике, Спиридонова исключить, но принимая во внимания его социальное положение, молодость, некоторые революционные заслуги, смягчить меру партийного взыскания и ограничиться исключением из партии сроком на 2 года» [9, д. 13, л. 331]. Заметим, что в современных реалиях обвинение в подобном преступлении носило бы уголовный характер, но в нормативных суждениях властей Пермского края 1920-х гг. наказание за содеянное ограничилось лишь лишением партийного билета.

В случаях, когда партийные лидеры не хотели предавать дискредитирующие коммунистов проступки публичности, они предпочитали передавать их на рассмотрение суда. В частности, это касалось случаев сексуальной эксплуатации за счёт использования служебного положения. Заметим, что в фонде Пермского окружного суда можно встретить ряд дел об использовании служебных полномочий местными должностными лицами для принуждения женщин к сексуальным отношениям [3]. Не углубляясь в рассмотрение заслуживающей отдельного исследования проблемы, отметим, что судебные органы были во многом зависимым от партии инструментом нормирования поведения коммунистов. Наказание в таких случаях обычно не превышало трёх лет лишения свободы.

В качестве примера рассмотрим дело члена РКП(б) Кирьянова. Показательно, что Бюро Пермского Окружкома РКП(б) 12 сентября 1924 г. приняло решение: «Просить контрольную комиссию дело тов. Кирьянова публичным партийным судом не разбирать, исключить его из рядов РКП(б), а дело передать в суд» [9, д. 16, л. 34].

Суд установил, что председатель окружкома нарпита Кирьянов, с 1921 г. по сентябрь 1924 г., находясь на своей должности, пользовался услугами сексуального характера. В частности, он воспользовался услугами проститутки: «С целью изыскания средств она вынужденная была отдаться

ему», взамен Кирьянов обещал устроить её на работу к себе. Интересны оправдания Кирьянова по этому поводу: «Думал, что исправится и бросит проституцию» [3, д. 110, л. 91].

Вторая «жертва» Кирьянова, как установил суд, находясь в трудном экономическом состоянии и содержащая мать и сестру с братом, для поддержания семьи занималась проституцией, «положением проститутки крайне тяготится, умоляет её спасти от голода и проституции ещё пока честную её 17-ти летнюю сестру». Она вступила в связь с Кирьяновым за кусок хлеба и обещания устроить её на службу [3, д. 110, л. 91]. Параллельно Кирьянов связался ещё с одной проституткой и также устроил её на службу. Всего, как выяснилось, помимо выше указанных лиц, Кирьянов пользовался своим положением для сексуальных связей ещё с 8 женщинами. По протоколу допроса можно увидеть, как Кирьянов относился к женщинам: «Им верить нельзя, так как они не имеют женской стыдливости». Несмотря на отказ признать свою вину Кирьянов всё же признал, что его поступок дискредитирует партию и советскую власть в том, что допустил многожёнство и содействовал развитию проституции [3, д. 110, л. 94]. Особо отметим использование слова «многожёнство» для характеристики проступка.

Оказавшись обвиняемыми, граждане часто пытались оправдать свои поступки или же опровергнуть заявления, порочащие их, часто прибегая в коммунистической риторике. В своей объяснительной записке Кирьянов пишет: «Члены нашего союза почти на 50 % с мелкобуржуазным уклоном. Их революция до сих пор не переродила и не переродит. Почти все они преследуют одну цель — нажить капитал и сделаться самим хозяевами и работать им как работает пролетариат не по-труду» [3, д. 276, л. 66]. Продолжая, он пишет о достижениях своего союза, которые не понравились «старым официантам и горничным, которые вздумали слить с места, чтобы изменить политическую линию» [3, д. 276, л. 66]. Отвергая все обвинения, Кирьянов всё же замечает, что имел ранее близость с некоторыми женщинами, «но это не есть уголовное преступление и если КК найдёт мои объяснения достаточными, чётко вынесет заключение, только не уголовного характера, а морального воздействия» [3, д. 276, л. 68].

Тем не менее приговор председателю нарпита был по тем временам суров. Судьи исходили из того, что «Кирьянов и ранее был судим за некоммунистические поступки, политически развит, а подобные действия как ответственного работника — нетерпимы». Ещё до суда Кирьянова лишили должности, исключили из рядов РКП (б) и привлекли к уголовной ответственности [3, д. 276, л. 96]. Нарсуд в обвинительном заключении отметил: «Будучи председателем нарпита понуждал женщин за содействие к поступлению на службу вступить с ним в половую связь, а также держал в штате проституток» [3, д. 276, л. 124]. Суд приговорил Кирьянова к заключению сроком на 4 года со строгой изоляцией без поражения в правах [3, д. 276, л. 161–163]. Показательно, что дальнейшая судьба Кирьянова сложилась весьма удачно: его амнистировали по случаю десятой годовщины Октябрьской революции [3, д. 276, л. 172].

Очевидно, что особое внимание партийных органов привлекали «некоммунистические поступки», повлекшие тяжёлые последствия и поэтому вызвавшие общественный резонанс, что требовало жёсткой реакции. Так, в частности, произошло в связи с суицидом трёх девушек в Лысьве в 1928 г. Бюро Пермского ОК ВКП(б) и Президиума ОкрКК 23 января 1929 г. приняли специальную резолюцию «О некоторых недостатках в работе пролетарских организаций Лысьвы и отдельных болезненных явлениях среди рабочих», где отмечалось, что «имеют место случаи использования своего служебного положения для принуждения работниц к половому сожительству», давалось поручение прокуратуре привлечь к судебной ответственности Полякова, Комарова и Худякова, «виновных в создании тяжёлых условий для девушек, покончивших самоубийством». Упомянутые коммунисты исключались из партии «как разложившийся элемент» [9, д. 236, л. 2–3].

Нормирующее воздействие партийных контрольных комиссий распространялось и на интимную жизнь комсомольцев. Это также было отражением обеспокоенности партийных идеологов возможным усилением индивидуализма вследствие распространения идей свободного отношения полов в молодёжной среде. В частности, А. В. Луначарский бил тревогу по поводу широкого распространения среди комсомольцев теории «стакана воды» [6]. Е. М. Ярославский утверждал, что избыток половой жизни и «во времена революции это скверно, совсем скверно... Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции» [14, с. 334–335]. А. А. Сольц заявлял, что «беспорядочные половые отношения, несомненно, вредно отражаются на организме, подрывают его силы, ослабляют человека как борца, как коммуниста. Если он много разнообразия ищет в половой области, то оно, несомненно, отнимает слишком много сил и даст нам коммуниста с изъяном» [12, с. 263].

В качестве показательного примера направляющей деятельности партийных контрольных комиссий по нормированию интимной жизни комсомольцев можно указать на создание в начале 1929 г. Пермской ОкрКК специальной комиссии «по обследованию работы конфликтных комиссий окружного и городского комитетов ВЛКСМ и производственной Уралсепаратор, ученической медфак ячеек ВЛКСМ в части борьбы с нетоварищескими отношениями к девушке в Комсомоле» [9, д. 236, л. 50–57; 95–98; 170–173].

В итоговом отчёте о работе комиссии отмечалось, что «основой ненормальных отношений к девушке являются нездоровые взгляды на половой вопрос». Комиссия признавала наличие больших проблем в области нравственного и полового воспитания: «Молодёжь и комсомол зачастую подходят к девушке только с целью использования её как женщины: “я иду с девушкой, будь то комсомолка или беспартийная только потому, чтобы добиться от неё полового сношения с ней, если номер не проходит, иду к другой”». Подчеркивалось, что окружные и районные конфликтные комиссии «не занимались вопросами изучения нетоварищеского отношения к девушкам в комсомоле. Вопросы ставились стихийно, даже если такие случаи выявлялись, процессы проходили мимо комсомольской организации» [9, д. 236, л. 170–173].

В отчёте комиссии приводился ряд примеров попустительства и мягкого отношения к допустившим «нетоварищеское отношение», в т. ч. сообщались следующие факты: «Студент 2 курса рабфака комсомолец Щеглов использовал Абрамову, в результате беременность. Ячейка ВЛКСМ исключила Абрамову за половую распущенность, а в отношении Щеглова ячейка ничего делать не стала» [9, д. 236, л. 173]. Другой факт: «Сын торговца Нагорных, воспитатель дет. дома, будучи воспитателем Гороновской школы комунны, нравственно разлагал девушек, спаивая вином воспитанниц, насильно клал их к себе на кровать и водил в темные уголки, с целью избежать союзных взысканий. Нагорный из района уехал, не снявшись с учёта»; первоначально ячейка ВЛКСМ решила исключить Нагорного, а позже было принято решение о вынесении ему строго выговора [9, д. 236, л. 174–175]. Указывалось на случаи, когда бюро ВЛКСМ пыталось скрыть факты совершённого преступления: «Комсомолец Жемчужников, секретарь ячейки механического завода № 3 завода Мотовилихи пытался изнасиловать комсомолку Воробьёву... Воробьёва подала заявление в ячейку ВЛКСМ. Бюро ячейки решило шума не поднимать, Воробьёву заставляли заявление взять обратно, а протокол уничтожили» [9, д. 236, л. 170–173]. В выводах комиссии подчёркивалось: «При рассмотрении дел Окр.КК Комсомола проявила излишнюю строгость к девушке, относясь к ним более сурово, чем к юношам» [9, д. 236, л. 174об]. Действительно, кажутся странными решения местных ячеек ВЛКСМ, носящие дифференцированный подход по половому признаку, несмотря на принятые к тому времени нормирующие документы.

В то же время комиссия указывала и на случаи, «когда ячейка ВЛКСМ правильно подходила к постановке вопроса и его разрешению тем самым вставали на путь борьбы с болезненными явлениями в отношении девушек». Один из примеров: «Комсомолец Поносов использовал девушку-уборщицу, в результате беременность, после чего он от девушки отшатнулся. Поносов из ячейки исключён» [9, д. 236, л. 173]. Указывалось и на некоторые другие факты «исключения комсомольца за половое использование девушек», а комсомолец Метющев попал под следствие из-за «применения гипноза и фотографирования голых девушек» [9, д. 236, л. 56].

Чтобы не допустить развития «ненормальных явлений», комиссия предлагала проводить «отсеивание комсомольской организации» от «чуждого элемента случайно попавшего в организацию комсомола» [9, д. 236, л. 50]. Другими мерами, рекомендованными общегородским совещанием актива, обсудившим доклад комиссии 5 марта 1929 г., были различные наказания, показательные суды, лекции, обследования, совещания, а также организация «обсуждения вопроса: жизнь комсомольца и комсомолки в семье» в областной комсомольской газете «На смену» [9, д. 236, л. 163].

Таким образом, контрольные комиссии в сфере интимной и семейной жизни поддерживали в первую очередь такие нормы, как моногамия, забота родителей о детях, недопустимость насилия в отношении членов семьи, недопустимость использования служебного положения для принуждения к сожительству. Эти нормы, опиравшиеся и на православную традицию, и на закон, партийные идеологи и функционеры КК предпочитали выводить из господствующих идеологием об «интересах пролетариата» и т. п. В своей деятельности контрольные комиссии оперировали доступными им санкциями, главным образом, вынесением выговоров и исключением из партии, передавая в отдельных случаях дела на рассмотрение правоохранительных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вербицкая О. М.* Крестьянская семья в годы нэпа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 417–426.
2. *Вишневский А. Г., Захаров С. В., Сакевич В. И.* Обновление семьи и брака // Демографическая модернизация России, 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. С. 67–96.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-129. Пермская постоянная судебно-кассационная сессия Уральского областного суда. Оп. 1.
4. *Залкинд А. Б.* Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Философия любви: в 2 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1990. С. 224–255.
5. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–30-е годы. СПб.: Журнал «Нева» — Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. 320 с.
6. *Луначарский А. В.* Молодёжь и теория «стакана воды» // О быте. Л.: Государственное издательство, 1927. С. 73–83.
7. *Орлов И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
8. О партэтике: Проект предложений Президиума ЦКК Пленуму ЦКК РКП(б) (октябрь 1924 г.) // Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М.: Политиздат, 1989. С. 151–170.
9. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 1109. Пермская окружная контрольная комиссия ВКП(б) — РКП. Оп. 1.
10. *Поршнева О. С.* Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: Противоречия и проблемы // Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск: [б. и.], 2018. С. 383–397.
11. *Пушкарёва Н. Л., Пушкарёв А. Л.* Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М.: [б. и.], 2007. С. 200–215.
12. *Сольц А. А.* О партэтике // Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М.: Политиздат, 1989. С. 258–272.
13. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. Ст. 199 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 26.08.2019).
14. *Ярославский Е. М.* Мораль и быт пролетариата в переходный период // Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М.: Политиздат, 1989. С. 327–349.

Поступила в редакцию 20.06.2020

Суслов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной и всеобщей истории
E-mail: absuslov@gmail.com

Казанцев Дмитрий Алексеевич, студент исторического факультета
E-mail: dimakazantsev1889@gmail.com

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
614000, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

A.B. Suslov, D.A. Kazantsev

**RATIONING OF THE INTIMATE LIFE OF COMMUNISTS AND KOMSOMOL MEMBERS
IN THE ACTIVITIES OF THE CONTROL COMMISSIONS OF THE RKP(B) IN THE 1920s
(THE CASE OF PERM REGION)**

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-777-783

The article highlights the practice of rationing the intimate life of communists and Komsomol members in the activities of the control commissions of the RKP(b) Perm region in the 1920s. It analyzes both the norms translated by Bolshevik ideologists and their application by such a significant institution as control commissions. The use of microhistorical analysis methods made it possible to make significant observations based on a relatively small circle of sources – on materials deposited in the Perm archives of the control commissions and other bodies of the RCP(b), as well as court cases. The publication deepens and concretizes the ideas about the tools for controlling private life in Soviet Russia in the 1920s. The authors come to the conclusion that the norms of intimate relations between men and women supported by the control commissions completely fit into the framework of “traditional” morality, which, in particular, was also

preached by the Orthodox Church. At the same time, party ideologists and functionaries of the control commissions preferred to derive these norms from the prevailing ideologues about the "interests of the proletariat".

Keywords: Control commissions, RKP (b), intimate life, private life, rationing, 1920s.

REFERENCES

1. *Verbitskaya O. M.* Krest'yanskaya sem'ya v gody nepa [Peasant family in the years of NEP]. NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sotziokul'turnye aspekty [NEP: economic, political and socio-cultural aspects]. Moscow, "ROSSPEN" Publ., 2006, pp. 417–426. (In Russian).
2. *Vishnevskii A. G., Zakharov S. V., Sakevich V. I.* Obnovlenie sem'i i braka [Renewal of family and marriage]. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow, "Novoe Izdatel'stvo" Publ., 2006, pp. 67–96. (In Russian).
3. Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia (GAPK) [Perm State Regional Archive]. Fond. R-129. Permskaya postoyannaya sudebno-kassatsionnaya sessiya Ural'skogo oblastnogo suda. Op. 1. [Fund. R-129. Perm permanent judicial cassation session of the Ural Regional Court. Register 1]. (In Russian, unpublished).
4. *Zalkind A. B.* Dvenadzat' polovykh zapovedei revolyuzionnogo proletariata [The Twelve Sexual Commandments of the Revolutionary Proletariat]. Filosofiya lyubvi [Philosophy of love]. Vol. 2. Moscow, "Politizdat" Publ., 1990, pp. 224–255. (In Russian).
5. *Lebina N. B.* Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii, 1920–30s. [Everyday life of the Soviet city: norms and anomalies, 1920–30s]. Saint Petersburg, Izdatel'sko-torgovyi dom "Letnii sad" Publ., 1999. 320 p. (In Russian).
6. *Lunacharskii A. V.* Molodyozh' i teoriya "stakana vody" [Youth and the "glass of water" theory]. O byte [About life]. Leningrad, "Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 1927, pp. 73–83. (In Russian).
7. *Orlov I. B.* Sovetskaya podsednevnost': istoricheskii i sotziologicheskii aspekty stanovleniya [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow, High School of Economics Press, 2010, 317 p. (In Russian).
8. O partetike [About Ethics of Communist party]. Partiinaya etika. Dokumenty i materialy diskussii 20-h godov [Party ethics. Documents and Discussion Materials of the 20s]. Moscow, "Politizdat" Publ., 1989, pp. 151–170. (In Russian).
9. Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (PermGASPI) [Perm State Archive of Social and Political History]. Fond. 1109. Op. 1. Permskaya okruzhnaya kontrol'naya komissia VKP(b) — RKI [Fond. 1109. Perm District Control Commission of VKP(b) — RKI. Register 1]. (in Russian, unpublished).
10. *Porshneva O. S.* Realizatsiya bol'shevitskogo proekta "novaya zenshchina" v 1923–1928 gg.: protivorechiya i problemy [Implementation of the Bolshevik project "new woman" in 1923–1928: Contradictions and problems]. Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii [Personality, society and power in the history of Russia]. Novosibirsk, [n. a.], 2018, pp. 383–397. (In Russian).
11. *Pushkaryova N. L., Pushkaryov A. L.* Rannyya sovetskaya ideologiya 1918–1928 godov i "polovoi vopros" (o popytkakh regulirovaniya sotzial'noi politiki v oblasti seksual'nosti) [The early Soviet ideology of 1918–1928 and the "sexual issue" (about attempts to regulate social policy in the field of sexuality)]. Sovetskaya sotzial'naya politika 1920–1930-h godov: ideologiya i povsednevnost' [Soviet social policy of the 1920s–1930s: ideology and everyday life]. Moscow, [n. a.], 2007, pp. 200–215. (In Russian).
12. *Sol'tz A. A.* O partetike [About Ethics of Communist party]. Partiinaya etika. Dokumenty i materialy diskussii 20-h godov [Party ethics. Documents and Discussion Materials of the 20s]. Moscow, "Politizdat" Publ., 1989, pp. 258–272. (In Russian).
13. Ugolovnyi kodeks RSFSR redaktzii 1926 g. St. 199 [1926 Criminal Code of the RSFSR, Article 199]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (accessed: 26.08.2019). (In Russian).
14. *Yaroslavskii E. M.* Moral' i byt proletariata v perekhodnyi period [Morality and life of the proletariat in transition]. Partiinaya etika. Dokumenty i materialy diskussii 20-h godov [Party ethics. Documents and Discussion Materials of the 20s]. Moscow, "Politizdat", 1989, pp. 327–349. (In Russian).

Received 20.06.2020

Suslov A. B., Doctor of History, Professor, Head of Department of the Russian and World History
E-mail: absuslov@gmail.com

Kazantsev D. A., Student of Faculty of History
E-mail: dimakazantsev1889@gmail.com

Perm State Humanitarian Pedagogical University
Sibirskaya str., 24, Perm, Russia, 614000